

*Ялвний восток. Кому наказание,
кому спасение. Приговор или награда
судьбы, с которыми человек,
где бы и кем он потом ни оказался,
уже навсегда обречен дальневосточником.*

В. Тыцких

ISBN 978-5-93577-235-2

9 785935 772352 >

ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ

РЯДОМ С ВОСХОДОМ

ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ • РЯДОМ С ВОСХОДОМ

ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ

**РЯДОМ
С ВОСХОДОМ**

ИЗБРАННОЕ
ТЕТРАДКА ЧЕТВЁРТАЯ

Владивосток
«Русский Остров»
2021

УДК 82
ББК 84
Т93

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА **НАРОДНАЯ КНИГА**
ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СОВМЕСТНО С ОБЩЕРОССИЙСКИМ
ДВИЖЕНИЕМ ПОДДЕРЖКИ ФЛОТА (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
МИХАИЛ НЕНАШЕВ), ПРИМОРСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА –
ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ
(ПРЕДСЕДАТЕЛЬ **АЛЕКСЕЙ БУЯКОВ**)

Директор программы **ЭЛЬВИРА КОЧЕТКОВА**

Серия *ПОЭЗИЯ*. Двадцатая книга серии

Тыцких, В.М.

Рядом с восходом / В.М. Тыцких. — Владивосток: Изд-во «Русский Остров», 2021. — 204 с.

Стихи Владимира Тыцких всегда о непростых вопросах жизни и времени. Точный внутренний компас, стрелка которого безошибочно и в любых условиях указывает своими концами на добро и зло, выводит автора и читателя на новые курсы и смыслы. По стихам в сборнике «Рядом с восходом» мы увидим, что душа поэта по-прежнему цельна, свежа, открыта новым просторам и впечатлениям. И, значит, вперёд нам двигаться вместе.

ISBN 978-5-93577-235-2

УДК 82
ББК 84

© «НАРОДНАЯ КНИГА», 2021
© Владимир ТЫЦКИХ, 2021
© Александр ОРЛОВ,
предисловие, 2021

РЯДОМ С ВОСХОДОМ

Спасибо

за помощь «Народной книге»

Олеге Тыцких (Владивосток)

Александру Берисову (Электросталь)

Александру Капитану (Владивосток)

Александру Орлову (Москва)

Сергию Ринарию (Владивосток)

Олегу Шенузову (Богородское)

Александру Якову (Владивосток)

Эльвира Кочеткова

КЕМ СТАНЕМ МЫ?

Хорошо, что предисловий никто не читает — можно писать свободно, не особо придерживаясь канонов. Поскольку сама поэзия такое дело, о котором трудно сказать, есть в нём каноны или оно как раз начинается там, где каноны кончаются. Кроме, пожалуй, одного, самого важного из них — в стихах должен быть человек, его жизнь и судьба, его поиски ответов на извечные вопросы, которые задевают, мучают и тревожат всех.

Владимир Тыцких именно такой поэт. Его стихи всегда о непростых вопросах жизни и времени. Стихи без завитушек, без пространных общих мест, по-мужски сдержанные и заряженные глубоким смыслом.

*Как я живу? Кому какое дело?
Мы все смешно и суетно живём,
Пока нас общей болью не задело,
Не опалило мировым огнём.*

*И не по мне зайдётся Лада плачем,
Коль был — не люб и сгинул — бестолков.
Мы в этой жизни только то и значим,
Кем стали для друзей и для врагов.*

Этого стихотворения нет в новом сборнике, который держит читатель. Стихотворению несколько десятков лет. Оно из того времени, которое можно отнести к нашей молодости, а мы знакомы и дружим с Владимиром уже без малого четыре десятилетия. Но стихотворение это, на мой взгляд, было и остаётся опознавательным не только для его творчества, но и для него самого — как человека, морского офицера, поэта, публициста, общественного деятеля.

Трудно сразу сказать, какая сторона деятельности Владимира Тыцких является основной в его жизни. В разное время, думаю, разная. В большей степени направленная во вне, а не внутрь себя. Хотя, казалось бы, поэтическое творчество характеризуется как раз самоуглублённостью и сосредоточенностью на мире внутреннем. Но это — не тот случай. Поэт живёт в мире большом, мире людей и событий, он открыт, он не чурается публицистики, при этом не впадая в пресловутую злободневщину, политическую фразу. Его гражданский голос сопряжён с пониманием глубинных, а не внешних процессов, с самоопределением человека, с его самочувствием

и, я бы сказал, его душевной и духовной навигацией в окружающем мире, в бурных штормах нашего времени.

*И вправду, было бы смешно,
Когда бы не было так грустно
В стране, где вдруг заведено
Смотреть среди просторов русских
Американское кино.*

*И верно, бедность не порок
Для тех, кто, не кривя душою,
Иным богатством пренебрѣг
И, не позарясь на чужое,
Своѣ, заветное, сберѣг.*

Недаром по основной своей профессии Владимир Тыцких — военный моряк, флотский политработник и штурман. Всё это органично вживлено, впаяно в его характер, он внимателен к меняющемуся миру, к его «мелочам», он прекрасно понимает и чувствует, что за изменения происходят в нём, а потому всегда фиксирует эти изменения в стихе наподобие тому, как штурманская рука фиксирует все важные изменения в вахтенном журнале. А главная заповедь веде-

ния вахтенного журнала известна: «Пишу, что вижу. Чего не вижу, не пишу».

Я слишком давно знаком с этим редким в своей определённости и жизненных принципах человеком, чтобы писать о нём и его поэзии, так сказать, с литературоведческих позиций. К тому же автор давно не нуждается ни в литературном представлении, ни в разборе его творческих методов, сильных или недостаточно сильных сторон его произведений. Не нуждается он и в дополнительном проявлении его роли в современной общественной и культурной истории ставшего ему родным Приморья, которому отданы десятилетия службы, жизни, литературной и общественной работы. Как писатель и культурный деятель Владимир Тыцких давно перешагнул региональные границы, известен далеко за дальневосточными пределами. Творческие контакты и симпатии к его творчеству прочно связывают его с Сибирью и Алтаем, Центральной Россией и Казахстаном, откуда он родом и к которому нередко обращается в своём творчестве, с другими частями некогда необъятного Союза, с которыми тесно переплетены биографические, личные, общественные и литературные нити. Этому служит прежде

всего широта его интересов, искренность отношения к происходящему, правдивость его поэтического слова.

*Мы правды не узнали от пророков
И сами разобраться не смогли,
Куда мы шли без страха и упрёка
И до чего в конце концов дошли.*

*Ещё вчера жила страна родная —
Сильна и, как известно, широка.
Что завтра будет с ней,
никто не знает,
Но прежней ей
не стать наверняка.*

*Мой средний брат
в заснеженном Норильске
О прошлом песни грустные поёт,
Предпочитает коньяки и виски,
А нету их — простую водку пьёт.*

*А младший наш рекордно в деды вышел;
Он лет пяток тому на Новый год
Звонил, что, мол, в подробностях напишет
О том, как за границую живёт.*

* * *

Высоки над землёй небеса,
А сама-то земля — чего там:
Степи, горы, поля да леса,
Человечки в трудах и заботах.

На восток ли, на запад гляди,
Всё едино — родная земля.
Хоть куда от неё уходи,
Приневолит душа возвратиться.

Надышаться заветным дымком,
Нагуляться заснеженным полем,
Затеряться в просторе родном —
Наша вечная русская доля.

Так привольно под небом лежит
Даль, которой за далью не видно,
Всё вмеща, чем стоило жить
И за что умереть не обидно.

* * *

Паром поспешает. Всё ближе
Сияние створных огней.
Славянка! Сейчас я увижу
Границу державы моей.

В летучих разрывах тумана,
Ползущего с той стороны,
Священные сопки Хасана
Пока ещё смутно видны.

Но память всё строже и чётче,
И пристально смотрит в туман
Попутчик мой — может быть, лётчик,
А может, танкист-ветеран.

Мне чудится: песня горниста,
Горячий июльский песок,
И первый винтовочный выстрел,
И первый гранатный бросок...

Как будто солдаты на марше,
Идут предо мною года.
Здесь небо — до звёздочки — наше.
Здесь наши земля и вода.

Всё ближе ко мне, всё приметней
Надёжный причальный бетон,
Где грудью и волны, и ветер
Встречает Хасанский район.

1988 г.

* * *

Этот край на земле у восхода —
Дальний берег под небом родным.
Есть в Приморье особое что-то,
Недоступное землям иным.

Здесь на глади прозрачных заливов
Блики солнца играют живей.
Здесь обводы судов горделивей
И слышней голоса кораблей.

И нежнее объятия милой,
И тревожнее шорох ночной,
И какая-то тайная сила
Даже в камне, омытом волной.

Своенравней ветра и течения,
Даль — туманней, разлука — длинней;
Может быть, веселей возвращенья —
Потому, что дороги трудней.

Это край всероссийской отваги,
И, поднявшись навстречу ветрам,
Корабельные русские флаги
Здесь особенно дороги нам.

Не надобно доли и воли
 ни худшей, ни лучшей.
Упал: откружился,
 улёгся в сугробы снежок.
В роскошном убранстве зимы
 тишина многозвучна.
Над долом холодным,
 судьбой ли моей неминучей
Восток воссиявший
 вселенскую свечку возжёт.

ОСТРОВ РУССКИЙ

Павлу и Александру Гельбахам

Скала, помертвелым покрытая лесом,
Чернеет в заливе средь белого льда.
От стылого берега в даль, в неизвестность
Кипящий фарватер вводит суда.

В прибрежном доме запотело оконце:
Седой человек за холодным стеклом
Глядит, как сверкает февральское солнце
И медленно падает за окоём.

Неласковый остров. Я здесь мимоездом.
С парома за дымкой недолго видны
Кривые берёзки на скалах отвесных,
Покрытые снежной слюдой валуны.

Мгновенье — и домик у сопки горбатой
Уже в отдаленье заметен едва.
Откуда же вдруг ощущение утраты
И это щемящее чувство родства?

И как же потерянно сердцу и грустно,
Как больно ушедшим и горько живым
За невыездную на острове Русском
Опальную память Советской Литвы...

* * *

Крик взволнованных птиц над волною,
пронзительно-звонкий,
И под небом родным
островное простое житьё,
И на фоне волны
молодое лицо амазонки,
И на фоне весны
Русский остров, влюблённый в неё.

Сколько всяких людей
рядом с этой картиной мелькнули,
По камням и песку
мимо бухт и заливов прошли
И увидели в скалах прибрежных
цветущий багульник,
И махнули рукою,
и где-то пропали вдали.

А у берега моря,
где чайки взволнованно вьются,
Невозможно не думать,
как много в местах дорогих

Было разных людей,
что ушли и хотели вернуться,
Что, конечно, когда-то
и я окажусь среди них.

* * *

Ступать постараюсь потише,
Немного пройду по ручью,
Замру и чуть-чуть помолчу,
Не сразу, но всё же услышу,
Как ветка зелёная дышит,
Тихонько прижавшись к плечу.

Особым ничем не приметен,
Ручей побежит по полям,
Оставив в раздумье меня,
Как лик нашей родины светел,
Как даже мгновением этим
Прекрасна родная земля.

Я вспомню, как ты изумлённо
Глядела в просторы её...
Всё в мире похоже на всё:
Орешника корни и крона,
И лист диморфанта и клёна,
И сердце твоё и моё.

И всё — навсегда — неозвратно,
Единственно всё навсегда.
В ручье убегает вода —
Она не вернётся обратно
Увидеть, что травка примята,
Что мы приходили сюда...

* * *

Рыдание чаек и стрёкот сорочий,
Прибоя предзимнего гул неприветный.
Кленовые кроны разорваны в клочья
И весело пущены ветром по ветру.

Охальница осень ольху с абрикосом,
Иргу с диморфантом раздела до нитки,
И в травах полёгших прозрачно и босо
Стволы их трясутся,
и гнутся, и никнут.

И только в дубравах,
стоящих на скалах,
В низинах на ветках дубов-одинок
Резная листва, пожелтев, не опала
И даже и думать об этом не хочет.

Не знаю, какой он —
монгольский, маньчжурский,
Но дуб, вне сомнений, герой настоящий,
Встречающий зиму
со стойкостью русской,
По вёснам листвой не опавшей звенящий.

Циклон. Тайфун. Девятый вал.
Ветров безумный свист...
Как ты о берегу мечтал!
А берег-то — горист.

Какой безжалостный подъём —
Ты словно снят с креста.
Но вот хребет преодолён,
И высота взята.

Вздохнешь устало, вытрешь пот.
Смеясь, сотрёшь слезу.
Твоей улыбки не поймёт
Тот, кто бредёт вниз.

С того тебе и смерти нет,
И на душе легко,
Что ветер свеж, что ярк свет,
Что видно далеко.

* * *

И самый чуткий друг едва ли
Узнает в суматохе дней,
Какие штормы бушевали
Над бедной гаванью моей;

Какие зимние метели,
Какие летние дожди,
Ветра какие там летели
И рвали ворот на груди;

И сколько раз — уже неожиданно —
У краешка земли родной
Сквозь непроглядные туманы
Вставало солнце надо мной;

С каким упорством небывалым,
Порой, казалось, чуть жива,
Кроша береговые скалы,
Росла из этих скал трава...

Судьба — не разведёшь руками —
Моей останется судьбой:
У ног лежит горячий камень
И режет надвое прибой.

ВРОДЕ ШУТКИ

Ах, флот военный, сон короткий.
Кому на бак, кому на ют.
Здесь, фитили даря охотно,
Тельняшек зря не выдают.

Эх, так бы все на свете жили:
Размявшись кисленьким вином,
Спирт неразбавленный глушили
И заедали рукавом.

Ух, наши годы и невзгоды!
Судьба твоя — солёный мёд:
Всю жизнь у моря ждать погоды...
Не жди — она сама придёт.

Не отравляй себя сомнением.
Я сам едва справляюсь с ним,
Боясь счастливых встреч мгновенья
Сгубить неверием пустым.

Готов сказать под образами:
Я на тебя одну гляжу.

Поверь, с закрытыми глазами
Я мимо девушек хожу.

Тебе моей полочки мало...
Мне на погонах мало звёзд...
Ты не ругай за что попало —
Меня за дело кэп разнёс!

Ну не заламывай ты руки,
Не умывай слезой лицо!
С тобой всё «встречи» да «разлуки»...
Когда служить, в конце концов?!

* * *

Владивосток, убежище моё!
Уж столько старой боли море смыло!
Но не пеняй мне, я забыл не всё,
Что до тебя и не было и было.

Опять над бухтой светлая заря,
Опять печально небо на закате,
И чайки по-над берегом парят,
И берег, словно память, необъятен.

Он вслед за солнцем тянется туда,
Где, становясь далече год от года,
Спешат к моим вокзалам поезда,
И мой Иртыш качает теплоходы;

Где мой отец живой и молодой,
И мама молодая и живая,
Где я шагаю по земле родной,
Не думая пройти её до края.

Владивосток, пусть все мои пути
На берегу твоём соединятся.
Не потому, что некуда идти,
А потому, что есть, где оставаться.

В ГОСТЯХ У КОЯНТО

Петропавловск-Камчатский. «Авача».
Ночь. Гостиничные сквозняки.
А Коянто от радости плачет,
А Коянто читает стихи.

Окаянный! Я вижу: туманы
Загустели, как нерпичий жир;
Голубыми дымами Паланы
К верхним людям дорога дрожит.

Но уже долетает до слуха,
Как по рыхлым снегам семянят
Потерявшие сон оленухи
С табунком озорных оленят.

Я увижу, услышу, почую:
Шеломайник ударится в рост,
И к прозрачным ручьям откочует
Старый Иттек, скуласт и раскос.

И мальчонка из дальней яранги
Мне упрямой кивнёт головой,
Капитаном какого-то ранга
Уходя в океан штормовой.

ПЕРЕД САХАЛИНСКИМ РЕЙСОМ

Мое сердце навсегда останется здесь.
Адмирал Евфимий Путятин

С глубин каких, с какой вершины
Взять материал для свежих строк?
Горшка не вылепишь без глины —
Ищу её в пыли дорог.

В полях привольных по крупицам,
По граммам в сумраке чащоб,
Где в воздухе родном лучится
Заветных слов золотничок.

Ищу в столицах и в глубинке,
Куда не ходят поезда,
В Норильске, Хатанге, Дудинке,
Где даже днём сверкает льдинкой
Сквозь ночь Полярная звезда.

Земле державной бью поклоны,
Горжусь — я сам её открыл
От Котлина и до Ольхона,
От Русского до Монерона
И от Аскольда до Курил.

Ликует в травах, спит в сугробах —
Повсюду Божья красота.
Но и по мерке высшей пробы
Есть среди самых мест особых
Ещё особые места.

И вот опять вдали от дома
Грустит, просёлками пыля,
Ещё с тобою не знакома —
Уже любимая земля.

Простит, коль не со зла обидишь,
А с ней и горе не беда.
Одним глазком хоть раз увидишь —
Оставишь сердце навсегда.

В судьбе коротких или длинных
Дорог полно, а путь один...
Бежал бродяга с Сахалина.
А я лечу на Сахалин.

ОТПУСК

Ветер резок. И, как вечер, сер
День февральский на Горячем Пляже.
Ждёт у вертолѐта офицер
В новеньком — почти что — камуфляже.

Рядышком красавица жена,
Вряд ли будет двадцать лет от роду.
Нынче ей откроется сполна,
Каково у моря ждать погоду.

Завтра муж с заплаканной женой
Вновь придѐт, как пароход, гружёный
Может быть и красною икрой,
Может быть и корюшкой сушёной.

Не спеши, товарищ лейтенант.
До твоей Покровки — как до солнца.
Легче было высадить десант
И отбить Курилы у японцев.

Ну хоть вплавь гребни на материк!
Дома ждут — блины давно пекутся...
Не грусти, товарищ отпусник.
Ждали год. Теперь уже дождутся.

ГИМН ВЕРТОЛѐТУ

Кто с Кунашира до Шикотана,
Кто с Шикотана на Кунашир.
Мы не знакомы? В том нет изъяна.
Возьмѐм попутчицу, командир!

Кто с Кунашира до Итурупа,
Кто с Итурупа на Шикотан —
Летим в «вертушках», как черти в ступах.
Внизу волнуется океан.

Ну и машина! Вот это штука!
Куда там боинг-аэроплан!
Он не поднимется с Итурупа
И сесть не сможет на Шикотан.

Где курильчанам сыскать такого —
Он всех подхватит и отвезѐт!
Вы парни славные, право слово, —
Что вертолѐтчик, что вертолѐт!

Да с вами вечно летать охота!
И может, вовсе не о любви —
О вертолѐтчике с вертолѐтом
Поют курильские соловьи.

ОСТРОВ

Здесь как орлы летают вороны,
Печаль не очень-то светла:
Здесь что не брошено, то взорвано;
Дома без света и тепла.

И жизнь с приливами-отливами
Идёт сама с собой в борьбе...
Здесь сильно женщины красивые
(Но я скучаю по тебе).

Здесь ветры, словно с цепи сорваны,
Туманы — как тяжёлый сон —
Ползут на все четыре стороны
И свищут с четырёх сторон.

Мой друг когда-то строчку вылепил:
«Отсюда Родина видней»...
Объявлена отмена вылета
Двадцатый раз за двадцать дней.

В казарме мрак. И очень хочется
Туда, где и тепло, и свет.
Но керосина нет у лётчиков
(Есть керосин — погоды нет).

Всё как-то глупо получается,
Душа без устали скорбит,
Вопрос стоит, но не решается,
Вопрос решён, но не стоит...

Всё! И — ни капли сожаления.
Уже по полю снег метёт,
И аж дрожит от нетерпения
Готовый к взлёту вертолёт.

Откуда вдруг — слеза прощальная?
Что он во мне разворошил?!
Лечу домой с мечтою тайною
Вновь прилететь на Кунашир...

1997 г.

* * *

В смешении теней и света
Среди дерев полураздетых
Кружусь, как листик на ветру,
Живым воспоминаьем лета,
Вдыхаю свежесть поутру,
Вдоль стен, оград и парапетов
Под крик буксирчиков в порту
С той улицы бегу на эту,
А с этой сопочки на ту,
И ничего не предвещает
Смешенье света и теней
На улице и той, и этой,
Покуда я бегу по ней,
Мечтая о горячем чае,
Который пью по вечерам,
И эта улица не знает,
И я пока не знаю сам,
Когда уже поможет ветер
Листве последней облететь,
И после чая в поздний вечер,
Вчерашнюю помыв посуду,
Чему я радоваться буду,
О чем придётся пожалеть.

* * *

Опять тайфун, и ливень косо
В окно дрожащее стучит.
Зверь из норы не сунет носа,
И птица в небо не взлетит.

Опять дороги замедляет,
И дышит холодом в дома,
И в море штормом льды ломает
Зима, сошедшая с ума.

Вновь ветер рвётся на свободу.
Опять мутится белый свет.
Попробуй свыкнуться с погодой,
Когда весь год погоды нет.

И кратковременный, проточный
Народ стремится кто куда.
А нам приют дальневосточный
Записан в паспорт навсегда.

Все где-то как-то приживутся
И в разных уголках страны
Без нас, наверно, обойдутся.
А здесь мы всё-таки нужны.

* * *

Неважно, что ели, с кем спали,
Чем грелись в сугробных снегах,
Какие носили медали,
Куда улетали во снах.

Друзей опрометчива жалость,
И вовсе нет дела врагу,
Чего нам и сколько досталось
На нашем недолгом веку.

У наших судеб скоротечных
Есть всё, что положено всем,
И вечная память не вечна,
Но это неважно совсем.

Неважно, что жили неважно,
Ходили в немодных пальто,
А важно, дрались ли отважно,
И главное — с кем и за что.

Когда бы ещё без тревоги
Глядеть в занебесную высь,
Где наши земные дороги
На вечные веки сошлись.

Сошлись и концы, и начала
В безмолвном укорё земли,
Что сделали в жизни немало,
Но всё-таки больше могли.

* * *

Не глядеть бы, не слушать,
Даже знать нет желанья...
Всё впиваются в душу.
Всё зовут к покаянью...

В чём, пред кем виноват я?
До родного погоста
Быть мне сыном солдата,
Что дошёл до Карлсхорста.

И в душе всё на месте —
Не даёт ей покоя
Дед, пропавший без вести
Перед Курской дугою.

А под Красное знамя
В срок я сам призывался
С золотыми парнями,
Что легли на Даманском.

Вот мой долг неоплатный —
Не убит и не ранен,
Задолжал я ребятам,
Погибавшим в Афгане.

Свет на этом держался —
Наше дело простое:
Кто в бою не сдавался,
Не сдаётся без боя.

А не бейся с врагами
Эта грешная «Раша»,
Что бы сделалось с вами,
Покаянщики наши?

* * *

В полях ли, где хлеб колосится,
В садах ли у райских ворот
Тихонько ночует Жар-птица
И зёрна ржаные клюёт.

И вовсе она не из книжек,
Не сказка совсем, не игра,
Пусть я никогда не увижу
Её золотого пера.

Встречается чудо всё реже,
Не то, что в былые века,
И я не питаю надежды
На помощь Конька-горбунка.

Брожу по земле, да и ладно,
Крутых не штурмую высот,
Но всё-таки верить отрадно,
Что где-то Жар-птица живёт;

И днём или ночью обманной,
Случается, думать тайком —
Она мне, как в сказке Ивану,
Не даст помереть дураком.

* * *

Солдаты вовремя встают —
У них с подъёмом строго.
Солдаты устают в строю,
Зато шагают в ногу.

Ждут частых писем от девчат,
Но сами пишут редко
И лишних слов не говорят,
Зато стреляют метко.

Нет у солдат ни там, ни тут
Крутых богатых предков;
Они порою в долг живут,
Зато целуют крепко.

А у солдат нелёгкий труд
И всякое бывало.
Но всё равно они поют
На маршах и привалах.

И станет горько за девчат
И в общем страшновато,
Когда солдаты замолчат
И в бой пойдут солдаты.

* * *

Не тревожь, сыночек, маму.
Мама, сына не тревожь.
Прибыл он из-под Баграма.
На себя он не похож.

Пал в бою последнем взводный —
Заменял боец бойца.
У него висок холодный
Стал седым, как у отца.

Он чуть-чуть свинца отведал
На земле чужой страны.
Он теперь похож на деда,
Не пришедшего с войны.

Ты поплачь, конечно, мама,
И зови скорей родню...
Сын вернулся из Баграма.
Скоро внук пойдёт в Чечню.

* * *

*Во Владивостоке открыт
памятник морским пехотинцам,
погибшим в Чечне.*

Из сообщений СМИ

Сломалась жизнь! Скажу как на духу.
А что там, на духу моём славянском?
Канадская пшеница... Долг гражданский...
Всё смолото в муку или труху.

Опять страну налётчики-вожди
До самых до основ перетряхнули.
Вновь красен русский снег. И свищут пули.
И снова льются слёзные дожди.

Грохочет «Гиацинт», взывает «Град»,
Земное перекраивая тело.
Но после всех кровавых переделов
Сырой земли хватает для солдат.

У обелиска нового стоим.
Промолви хоть сочувственное слово
Твоим, Россия, матерям и вдовам,
И полунищим сиротам твоим!

БАЛЛАДА О ЛОТОСЕ

На острове Путятина (Путятин) в Японском море когда-то стояли богатая усадьба и крепкое хозяйство семьи Старцевых, чей род шёл от декабриста Бестужева. Недалеко от Путятина, в посёлке Дунай, базировались подводные лодки СССР.

Здесь я случайно, а всё-таки кстати.

Море в тумане густом,
но из Дуная на остров Путятин
старый отходит паром.

Перед глазами, как в медленном танце:
чайки, вода и земля;
может, Бестужев, а может быть, Старцев,
может быть, юность моя.

Сердцу тревожно, и сладко, и больно
с каждой минутой сильней:
там, за невидимой тенью Аскольда*
профиль подлодки моей...

* Остров рядом с Путятиним.

Разве беда нас в дорогу манила,
разве не счастье влекло?
Что нас с родною землёй разлучило
и не к родной привело?

Ржавый последыш могучего флота,
к пирсу прижался паром.
Где-то за сопкой загадочный лотос
ждёт нас как сон о былом.

Может быть, здесь мы найдём, что искали,—
то, что мечтали свершить,
то, что имели и вдруг потеряли,—
всё, без чего нам не жить.

Флаг, что на мачте парома полощут
ветры тяжёлых веков;
честь, что несёт на Сенатскую площадь
стяги гвардейских полков...

Может, под музыку свежего ветра
птицы вольней запоют;
может быть, озеро Елизаветы
правду откроет свою...

Сколько шагать и куда ещё плыть нам,
что нам готовит теперь
отчина наших побед и открытий —
родина наших потерь?

Чайка ли кружится, ворон ли вьётся —
нам сквозь туман не видать.
Наше ли к нам потихоньку вернётся
или с чужим помирать?

Грезит прозреньем незрячее лето.
Лотос грустит о своём —
скоро ль на озере Елизаветы
сбудется семя цветком?

РУДНАЯ ПРИСТАНЬ

I
До горы по крутой по лесенке —
Поворот, подъём, поворот.
Вот и встретились, вот и вместе мы —
Каждый с грузом своих забот.
В лица вглядываюсь попристальной,
Чтоб запомнить до крайних дней.
Ваша сопка над Рудной Пристанью
Стала капельку и моей.
Вы без малого небожители:
Даже дым пристанской, и тот
До высокой вашей обители
Как ни вьётся — не достаёт.
Вот собрать бы вас всех, солдатики,
Кто из этих и тех времён
Над судьбой, над землёй горбатенькой
Хоть однажды был вознесён!
Что гостиница — штаб с казармою,
ДОС, и баня, и гаражи
Не вместили бы разом армию
Тех, кто Родине здесь служил.

Но едва ли в их душах выстыли
Радость здешняя и печаль,
Эта сопка над Рудной Пристанью,
Это небо, и эта даль.

II

Может, спешили сюда за удачею,
Может, случайно судьба занесла.
Только на что было время потрачено?
Ветер и камень. Вода и скала...
Поздняя осень. Дубами заросшие
Здесь, над обрывом державной земли,
Сопки приморские дикими кошками
Выгнули рыжие спины свои.
На сквозняке ветровом по-над берегом
Тихо в молчании долгом стою.
Что вам судьбиной суровой отмерено,
Люди, осевшие в этом краю?
Как же похожи мы русскими бедами!
Как величаво и грустно окрест!
Жить-поживать бы нам здесь
и не ведать бы
Прочим народом насиженных мест.

Жить-поживать бы...

Да что-то не ладится
В землях родимых от самой Москвы...
Волны солёные катятся, катятся;
Клонятся стебли засохшей травы.
Падает за море ядрышко медное,
Жмётся удача к чужим берегам.
И продолжается трудно и медленно
Век, не навеки отпущенный нам.
Выдюжим, грешные!
Стерпится — слюбится.
Чай мы не дурни, не лодыри чай.
Лучшее время когда-нибудь сбудется.
Рудная Пристань, прости и прощай...

НА ЗАСТАВЕ

Узик взвыл, высотку взяв,
И приоткрылась взгляду
Одна из именных застав
Посьетского отряда.

А что застава? Дом один
Да пара-тройка вышек.
Да баня, из которой дым
Уже дышал над крышей.

Мы в этой бане при свечах
Запили поздний ужин
И расшумелись, горячась,
О Родине и службе.

Но, выбрав слабину колков
В растрясканной гитаре,
Сквозь шум полковник Верстаков
Запел о Кандагаре.

И про Шинданд, и про Герат,
И про дела в Кабуле...
Как быстро падает солдат,
Споткнувшийся о пулю!

И вдруг, певец умолк едва,
Я в тишине услышал,
Как медленно растёт трава
У пограничных вышек...

* * *

Брат, и сосед, и каждый встречный,
Кем отчая земля сильна,
Мы все, пока мы вместе, вечны,
Хоть жизнь у каждого одна.

Пускай, как хочет, нас морочит,
Жалеть бы только не пришлось
О том, что удалось не очень
И что совсем не удалось.

Всё к месту. Вовремя и с толком.
Шумел камыш. Река текла.
Пылили летние просёлки.
Позёмка зимняя мела.

В достатке штатским и военным
И в зимний хлад, и в летний зной
Хватало радости мгновенной
Перед бедою затяжной.

И помнят мужики и бабы —
Куда б дорога ни вела,
Земля на ямах и ухабах
Упрямо родину трясла.

И в крепком флотском экипаже,
Водой крещённом и огнём,
Мы знали — в жизни страшно важно
Уметь стоять к плечу плечом.

Пусть взгляд мутнел и глохли уши,
Когда безумная волна
Так выворачивала души,
Что смерть, казалось, не страшна.

Волна кипела и не знала,
Что до последних наших дней,
Последний раз сойдя с причала,
Мы будем тосковать о ней.

Тогда спасительная память
Вернётся к давним берегам,
Где всё уже случилось с нами,
Чтоб навсегда остаться там.

Там все концы и все начала
Морей твоих, земли твоей
По обе стороны причала
С годами делались родней.

По обе стороны причала,
Не обойдя добра и зла,
Земля трясла, волна качала,
Судьба хранила, как могла.

* * *

У нас на Русском острове
есть море, сопки, лес,
а жизнь идёт с вопросами
и очень редко без.

Они не умещаются
на острове одном,
а как они решаются,
поговорим потом.

Зимой ветра колючие,
но, из дому маня,
на Русском ждёт бегучая,
везучая лыжня.

Ветрам едва ли рады мы,
но сколько снежных зим
на той лыжне мы падаем,
а всё-таки бежим!

Под склонами овражными
у маленькой реки
своё рождение празднуют
весною петушки.

Цветочное нашествие —
и рядом, и вдали
цветут, как сумасшедшие,
как мы с тобой цвели!

И вовсе не напрасно мы
весною лета ждём:
на Русском лето рясное —
грибочков соберём!

А осень спелой ягодой
с калины упадёт,
и ждать зимы не надо нам —
она сама придёт.

ОСЕННЕЕ

Всё стало и смутно, и странно;
Опять разгулялись ветра,
Опять наползают туманы
На вянущий луг по утрам.

Опять над простуженным лесом,
Над грустью озябших полей
Предзимняя слышится песня
Летящих на юг журавлей.

Простились заезжие гости.
Пылятся просёлки вдали.
Всё чаще случается осень.
Всё громче кричат журавли.

Всё ближе прощальные звуки
В вечерней густеющей мгле,
Как голос последней разлуки
Со всем, чем живём на земле...

* * *

Нам счастьем выпали случайным
Земли простор и даль небес,
Жизнь — как немислимая тайна,
Любовь — как чудо из чудес.

Пришли — уйдём своим порядком:
Нет смысла долго слёзы лить.
И нам за радость жизни краткой
Ценою вечною платить.

Заплатим. Дорогого стоит,
Пока душа в душе жива,
Ходить ли в море, дом ли строить
Иль в песню подбирать слова.

И, воду не толкшим в ступе,
Нам, дело сделавшим своё,
В столетьях, что потом наступят,
Заранее знакомо всё.

Пусть кто-нибудь, на нас похожий,
Вновь солнце встретит поутру —
Мы отгорим догла, но всё же
Не станем пеплом на ветру.

А будем жить и в тех столетьях —
Как песни, птицы, облака,
Как свет в пути, как в поле ветер,
Как вдаль текущая река.

* * *

Приморская поздняя осень.
Спокоен Амурский залив,
И камень прибрежных откосов,
Как вечность сама, молчалив.

Холодный бетон парапета.
Асфальта шершавые швы.
Прощальная музыка лета —
Сухое шуршанье листвы.

А небо светло, как в апреле:
Тайфуны — ветра и дожди,
Циклоны — снега и метели
Пока ещё где-то в пути.

У девочки шарик воздушный.
Полоска песочка у скал.
Скамейка. Старик со старушкой.
Последний предзимний привал.

* * *

Молчалив и опечален —
В чём причина, не поймёшь...
День хорошим был вначале
И в конце вполне хорош.

Зорька вспыхнула с востока,
Как во все иные дни,
И трясли хвостом сороки,
И шумели воробьи.

Плыл над бухтой марш прощальный,
Свет на старом маяке
Всё горел, и крылья чаек
Всё мелькали вдалеке.

Это очень славно, братцы, —
Моряку в морях гулять.
Это счастье — возвращаться,
Если есть, кому встречать.

А когда от дел свободен,
Веселее дела нет —
Видеть, как корабль уходит
И махать ему вослед.

Смотришь, как его качает,
Видишь мачту и корму,
Молчалив и опечален,
Сам не знаешь, почему...

* * *

Когда подует с моря ветер,
Ты вдовьих слёз не лей, земля.
Ты и сама на этом свете
Живёшь судьбою корабля.

Летят снега, грохочут грозы —
С рожденья до последних дней
Мы все штормуем, как матросы,
На зыбкой палубе твоей.

Что впереди, никто не скажет,
И лишь в одном сомнений нет:
Не будет смены экипажу
И через тыщу тысяч лет.

А путь ничем не обозначен,
И до черты береговой
Ни звёздный свет, ни свет маячный
Незрим над бездной роковой.

Одна на всех судьба земная:
Светла печаль, горька слеза.
А небеса наверно знают,
Кого позвать на небеса.

Когда подует ветер с моря,
И некто канет в темноту,
Быть может, худшим станет горем
Тот, кто остался на борту.

* * *

Картина, доводящая до слёз:
На палубе стоит молодцевато
И машет бескозыркою матрос
Родной земле — совсем, как я когда-то.

Счастливый, он пока не искущён
В делах морских и распрах сухопутных,
И ловит СМС со всех сторон,
И ждёт любовь, и — все ветра попутны.

Нет у меня обиды на него,
Душа полна единственной печали —
Как быстро мимо взгляда моего
Прошли мои эсминцы и — пропали.

Спокойно всё уносится судьбой,
Что про запас имелось на примете —
Как будто лёгким дымом над трубой
Рассеянно играет встречный ветер.

Что позабыл и что забыть не мог —
Всё, кажется, в далёком сне приснилось.
И только море плещется у ног,
Матросских лет пожизненная милость.

* * *

Похолодало. Дождь сменился
Дождём со снегом, и шутя
Конец апреля заявился
Уже со снегом без дождя.

С такой погодкой путь короткий
До грустных дум и прочих бед.
На трассе в сторону Находки
Пять легковых ушли в кювет.

Внимательны на поворотах,
Коварных летом и зимой,
Они, как будто гнал их кто-то,
Стремглав летели по прямой.

И снега выпало немного —
Ни колеи, ни бугорка,
Да скользкой сделалась дорога,
И стала скорость высока...

Но не о том же горько плакать
И поздно думать не о том,
Что есть в апреле лёд и слякоть,
И снег, и дождь, и снег с дождём...

* * *

Берёза, в серебристом кардигане
Бредущая по снежной целине;
Широкоплечим стражем на поляне —
Шиповник в длиннополом зипуне...

Зима, зима на Сихотэ-Алине!
Над спящею излучкой Улахэ
Грустит в лесу, одетом в синий иней,
Шалаш рыбацкий в заячьей дохе.

А старый пенёк, пригревшийся в сугробе,
И день, и ночь старинный смотрит сон:
Весенний сок в стволе высоком бродит,
И юной кроной зеленеет он.

Паря наплывом наледи, верхами
Идёт река, промёрзшая до дна,
И звонко над крутыми берегами
На хрупких ветках стынет тишина.

Такая тишина, что слышно небу,
Как дремлет в ожидании земля
И склёвывает сойка крошки хлеба
С протянутой ладони у меня.

ЭЛЕГИЯ ПЕРЕД ДОЖДЁМ

В небе, громами ещё не замечены,
Плавают тучки неделю подряд.
Жить бы да жить потихоньку, доверчиво
Внемля всему, что вокруг говорят.

Вынырнуть из дому в утро прохладное,
Не выбирая заранее путь,
Молча пройти под резною оградой,
Молча присесть на скамью где-нибудь.

Молча глядеть, как — душа беспокойная! —
Ветер деревьям чубы ворошит.
Думать, как листья у клёна устроены,
И никуда ни зачем не спешить.

Встать, дотянуться до ветки надломленной,
Перевязать её рану травой.
В тучах заметить далёкую молнию
И до грозы возвратиться домой.

Въехать ногами в уютные тапочки,
Выпить с роголиком чайный настой.
Прежде, чем скушать умытое яблочко,
Поллюбоваться его красотой...

* * *

Смурное, но всё-таки — лето.
Вся в лужах, а всё же — зима...
Грустил бы с темна до рассвета,
Когда б ни грустила об этом
Со мною природа сама.

А впрочем, ну кто её знает,
Грустит ли она, и о чём.
И эта по нраву зима ей,
А может, другая какая,
Она не решила ещё.

Ветрам ли залётным в угоду
Меж нами опять и опять
Сгущаются тайны природы,
И я как родную погоду
Не в силах тебя предсказать.

Всё так оглушительно быстро
Меняется в даях земных,
Качая судьбу коромыслом,
Но смысл нечитаемых смыслов —
Всю жизнь перечитывать их.

А в необозримых пределах
Уже предначертано всё,
И нам для души и для тела
Назначено общее дело,
И каждому — дело своё.

Пока друг для друга слышны мы,
Не тает растаявший снег,
И тени во тьме различимы,
И всё, что навек расторжимо,
Уже неразлучно вовек.

* * *

Неудержимо с позадавних дней
Душа дрожит, срывается дыханье,
Робая перед тайною твоей,
Как будто перед тайной мироздания.

Так трудно мне с тобою говорить.
Пожалуй, легче с небом и землёю,
Где пробую ещё летать и жить,
То с радостью обнявшись, то с бедою.

Уж многое, что было суждено,
Сбылось не так, как виделось вначале,
Когда сердцам казалось — не дано
Сойтись в одно веселью и печали.

Едва ли что-то стать иным могло,
Живи хоть ближе к северу, хоть к югу...
Мне не с тобой — с судьбою повезло,
Однажды подарившей нам друг друга.

* * *

Ночь попрощалась с последней звездой.
Нежит рассвет золотой тишиной
Берег крутой над бурливой рекой,
Нашу тропинку в траве молодой.

Только стреляет из почек весна,
Только в реке серебрится волна,
Только грустит в перелеске желна,
Только душа моя небу слышна...

Если бы зим зимовать не пришлось,
Если бы утро опять началось,
Если бы нам, как тогда, не спалось,
Если бы всё это снова сбылось!

Кажется, время вода унесла,
Кажется, в жизни метель не мела,
Кажется, снова сирень зацвела,
Кажется, наша весна не прошла.

Ночь засветилась высокой звездой.
Месяц плывет над притихшей рекой.
Берег далёкий крутой, да родной.
Ты молодая и я молодой.

* * *

Мотивы осени печальной,
Уже взошедшей надо мной,
Невнятные лету изначально,
Не предуслышаны весной.

И чтоб не вторить им уныло,
Не умножать расхожих слов,
Мне потихоньку надо было
Дожить до первых холодов,

И через зябкую невзрачность
Сквозь нищету её убранств
Проникнуть в светлую прозрачность
Её задумчивых пространств,

Влачась по лужам и ухабам,
Принять её житьё-бытьё —
Чуть-чуть приблизиться хотя бы
К спокойной мудрости её.

Ах, осень! Вот она какая...
Ей каждый день — последний бой.
И не листву она сжигает —
Мосты сжигает за собой.

* * *

С моря ветер ненасытный —
Трое суток дрожь по коже —
Дробью дождь на землю сыплет,
Успокоиться не может.

Я уже не в силах слушать
В окна стук его настырный.
Где-то есть на свете суша,
А у нас потоп всемирный.

А у нас такое лихо —
Всё сметает ураганом.
Никогда, конечно, Тихий
Не был тихим океаном.

Впрочем, парень он нормальный,
Только были бы готовы
По тревоге по авральной
Корабли отдать швартовы.

Да и сам приврал я: вроде
У меня дела плохие.
Я к любой привык погоде.
Я люблю разгул стихии.

Просто я сегодня дома,
И обидно мне немножко,
Что от молнии и грома
Нынче прячусь за окошком;

Что живу я разлучённым
С кораблями боевыми
И матросиком зелёным
Не штормую вместе с ними.

* * *

Длинный дождь в начале ноября.
Из дождя тревожно и обманно
Смотрит ночь, но и она желанна —
Сколько их осталось у меня?

Сколько знали мы таких ночей!
Дождь в окно заглядывал украдкой.
Мы в такие ночи спали сладко,
Если только спали вообще.

А теперь — куда девался сон
Вместе с самой лучшей из бессонниц,
Где мы оба, страшные засони,
Спали и не спали в унисон?

Милая, уж ты усни уже,
А потом попробуй, объясни мне,
Отчего так тихо, так предзимне,
На моей и на твоей душе?

Я не знаю, что нас утром ждёт,
Но, наверно, близок час, в котором
Дождь пройдёт, и надо думать, скоро
Первый снег на землю упадёт.

* * *

То ли облака гуляют низко,
То ль туман поднялся высоко;
Может, горе притаилось близко,
Может, радость бродит далеко...

Не вчера ли солнце добрым утром
Обещало лучезарный день?
Каждый ветер был у нас попутным,
Радужной — любая цветотень.

И душа не знала полутона
В свете звёзд и сумраке земном
Между криком радости и стоном
В даях чуждых и в краю родном.

Глупый пёс, и тот являлся чудом,
Вредной кошке не желавшим зла,
И мирился свет с добром и худом...
Но душа смириться не могла.

Эх, душа, ну что ты, в самом деле!
Не грусти. Давай без дураков —
Чтоб над морем облака телили,
Чтоб туман не застил берегов!

Чтоб и ты без дела не сидела —
Всяким днём и летом, и зимой
Выше неба самого летела,
Небо увлекая за собой.

* * *

Подробности банального сюжета
Безжалостным завязаны узлом:
Ты предо мною провинилась в этом,
Я пред тобой прेमного грешен в том.

Мы фронт, и тыл, и пятая колонна;
Последний довод мой и твой убит.
И оба сердца бьются обречённо,
Готовые взорваться от обид.

Лишь светлый разум —
наш усталый мытарь
С тревогой нам подсказывает, что
Ни чистых слёз твоих никто не вытрет,
Ни мне не посочувствует никто.

Но можно искупить былые вины
Признанием, не требующим слов:
Всему одной-единственной причиной
Была и впредь останется любовь.

Премудрый голос разума услышан:
Вот — звёзды в небе сделались видней,
Вот и сердца стучат чуть-чуть потише,
И вот уже дыхание ровней.

И верится, что ты меня простила,
И мы с тобой страдали только врозь,
И не было ещё того, что было,
А только-только всё и началось.

* * *

Снег не падает — снег танцует,
Не скрипит под ногами — поёт.
Как я сладко тебя целую!
У тебя не губы, а мёд.

Только жаль, ведь мы не расскажем,
Что прекрасными были они,
Не прошедшие ночи наши,
Не пришедшие наши дни.

Этот снег по весне растает,
И безжалостной этой весной
Этот вкус медовый узнает
И полюбит кто-то другой.

Что поделать, сюжет избитый,
Надоевший до слёз сюжет.
Как же долго потом болит он,
От него и лекарства нет.

А пока снег идёт, легко мне
О судьбе его не гадать...
Всё, что было с тобой, запомню.
Всё, что будет, недолго ждать.

* * *

Приблудная чёрная кошка,
Живущая в нашем дворе,
Исчезла, мяукнув истошно,
В какой-то подвальной дыре.

Снег сыпал три дня и три ночи,
И не было дела ему,
Что бурю дом обесточен,
И дом погрузился во тьму;

Что холодно стало под вечер,
Что не на чем чаю согреть,
Что в доме закончились свечи,
Что дети могли заболеть.

И разным предчувствиям смутным,
Казалось, конца уже нет,
Когда на четвёртое утро
Включили электрики свет.

Буря мирозданье покинул,
На землю сошла тишина,
И очень простую картину
Увидели мы из окна:

Изящно витую дорожку
Бесшумно тропит на бегу
Пушистая чёрная кошка
На белом пушистом снегу.

* * *

Уснувшей под буранами дорогой,
Нехоженой, похоже, с Покрова,
Уйти бы в лес, где в голубых сугробах
Зима свои припрятала слова.

Подслушать их морозное дрожанье
И зябкие рефрены на ветру,
Запомнить их прозрачное дыханье
И повторить с зарёю поутру.

А запоёт метель — подпеть метели,
Пускай не в унисон и невпапад,
И вдруг понять, о чём так стонут ели,
Свистит пурга и шепчет снегопад.

И вдруг открыть во всём, что было прежде,
Вину, в которой не было вины,
И ждать устать, и потерять надежду,
И всё-таки дождаться тишины.

И, запустив с размаху, без опаски,
Снежком в незавершённые дела,
Успеть поверить тихой зимней сказке,
Пока весна её не прогнала.

* * *

И что я сам себя морочу,
Мол, за окном опять зима,
Длиннее ночи, дни короче —
Короче, в общем, жизнь сама...

А за окном — по грудь сугробы,
Ни тучки в небе голубом,
И воздух самой чистой пробы
Морозом пахнет за окном.

А во дворе спортивным бегом
Трусит по целине мужик,
И где-то спрятался под снегом
Вчера стоявший снеговик.

Мы там на лавочке сидели,
Былые вспоминая дни,
А рядом воробьи галдели,
Как будто пели соловьи...

День обещает быть счастливым.
Не зря же, на подъём легки,
На лёд Амурского залива
Идут и едут рыбаки.

И снеговик сегодня новый,
И снова воробьи галдят,
И самолёты с Улового
Над Русским островом летят.

А в небе снова тучка пухнет.
А помыслы мои чисты,
Когда плита горит на кухне,
И вкусно пахнет от плиты.

А над плитой — твой нежный профиль.
С утра пораньше — добрый знак —
Ты мне сварила чёрный кофе,
Спекла на завтрак баурсак.

Есть время для воскресной неги,
И нет желания грустить,
Что будет время таять снегу,
И время сакуре цвести.

* * *

Мне не хватает писем от друзей
И времени на чтение эсэмэсок.
Расходятся чем дальше, тем сильнее,
Возможности, желанья, интересы.

Наверное, так было суждено:
Жизнь не вмещает жизни необъятной.
Смешно смеяться, если не смешно,
Зато весёлым выглядеть приятно.

Легко легко глазеть по сторонам,
Не замечая, что творится рядом.
Грешно писать стихи по вечерам,
Любимую не удостоив взглядом.

Такой выходит, в общем, винегрет
Из стуков в дверь, из телесериалов,
Течения рек, кружения планет,
Крыш и мансард, подъездов и подвалов.

В конце концов, возможно, дело в том,
Что каждый ищет только то, что ищет...
Вставай, родная! Утро за окном.
Всё классно! Я уже картошку чищу.

* * *

Три сороки прилетели
Раным-рано поутру.
На высокий ясень сели,
На ветвях, как на качелях,
Закачались на ветру.

Никаких тебе событий,
Никаких великих дел,
Ни свершений, ни открытий,
Погружений или всплываний —
Ничего, что я хотел.

Только ясень одинокий,
И с часок тому назад
Встало солнце на востоке,
И слетелись три сороки,
И на ясене сидят.

Просто собрались сороки —
Редкий случай, сразу три —
И без всякой мне мороки
Загрещали — крылья в боки, —
Только слушай да смотри.

Вот, смотрю, слотнув таблетку:
Двор, забором обнесён,
Три сороки — три соседки,
Старый ясень — гнутся ветки,
Ветер. Солнце... Вот и всё.

ПОЛНОЛУНИЕ

Я зачем принёс цветы
этим вечером?
Я по-честному, а ты
недоверчива.

Дорога тебе и мне
ночка тёмная.
А луна в твоём окне
нынче полная.

За окном твоим она
что-то грустная.
На тебя глядит луна,
мне сочувствуя.

Я сказал тебе «Прощай!»
у твоих дверей.
Я подумал: «Ночь, давай
уйди скорей!»

Ты мне в спину не пророчь,
не пугай меня,
что грозит бедою ночь
полнолуния!»

Я устал заката ждать
и на склоне дня
я пришёл к тебе опять,
недоступная.

Я опять принёс цветы
и до полночи
позабыл про всё, а ты
и не вспомнила.

В небе звёзды так чисты,
да — за тучами.
Разговорчивая ты,
я задумчивый.

И какая там луна —
Дело случая...
Как нас в эту ночь она
Сладко мучила!..

* * *

Всю ночь в листве проспавший ветер
К утру проснулся свежим бризом,
И показалось — чист и светел,
Родной простор насквозь пронизан
Его дыханьем учащённым
С едва заметным вкусом соли
В пространстве вечном, где на воле
Свободные гуляют волны.

Вчера мы пили чай вечерний
Без молока, но с чем-то жгучим,
И я шептал тебе: «Не верь мне,
Когда я вру, что невезучий!»
И с закадычными друзьями
Мы песни под гитару пели
И рассказать им не успели
О том, что было между нами.

Такие в ночь светили звёзды,
Такой рассвет взошёл над морем,
Что показалось — мир был создан,
Чтоб мы вовек не знали горя,

Вестей дурных и злых напастей,
И боли никакой не знали,
А если слёзы проливали,
То это были слёзы счастья.

* * *

Невнятный день. Вороны не галдят.
Промокший август моет водостоки.
В снотворной мгле ленивого дождя
Мотаются продрогшие сороки.

День словно сжат, в невидимом кольце
Какой-то тёмной силой окружённый.
Лишь эхо от ближайшего шоссе
В закрытых окнах бьётся приглушённо.

Всё в день такой вершится без тебя.
Погоду где-то ждёт созревший колос.
И путается с голосом дождя
Неприбранных полей простывший голос.

В нём хор согретых летом журавлей
Ещё едва заметен и не строен.
В нём шум реки и камыша над ней,
И грохот электрички под горою.

Как уберечь себя от этих дней
В эпоху вездесущего прогресса,
Когда молчит вацап твоих друзей,
Уже не шлющих даже эсэмэсок?

Чего бы ты в такие дни хотел,
Отдавшись непривычному покою,
Оставленный во имя важных дел
Твоей немногочисленной семьёю?

Что делать одному в такие дни
До или после скучного обеда,
Вдали от всей твоей большой родни
Укрывшись в мягком кресле
тёплым пледом?

Допустим, вспомнить близких и родных
И тех друзей, которых нет дороже,
Пускай уже не очень молодых —
Ведь и тебе теперь не стать моложе.

Вот все они сошлись, допустим, в круг
В одной беседке на забытой даче,
А журавли уже летят на юг,
И целый день вослед им дождик плачет...

* * *

Чего там — гроза на Валдае?!
На бедные наши края
Такой водопад выпадает —
С Земли уплывает земля.

И краешек дальневосточный
Неделями ждёт тишины,
Промокнув до нитки, до точки,
Последней на карте страны.

Тайфуны — во всё мирозданье!
Циклоны — на все времена!
Но чем тишина долгожданней,
Тем слуху приятней она.

Со временем даже роднее
Суровые эти края:
Чем больше ты маешься с нею,
Тем сердцу дороже земля.

И ты далеко не случайно
Становишься словно хмельной,
Когда белогрудая чайка
Взмывает над синей волной.

И, крылья расправив в полёте,
Всё выше летит, всё быстрее...
Друзья мои, как вы живёте?
Неужто совсем без морей?

* * *

В смятении осенних буйных красок,
В предзимнем обнажении ветвей
Опять октябрь пленительную сказку
Рассказывает родине моей.

Поспело небо птицам для отлёта.
Легки в прозрачных высях облака.
И нам с тобою думать неохота,
Как сказка эта будет коротка.

Ещё вчера сама весна глядела,
Как я, про всё забыв, к тебе иду.
Вчера краснел ранет, малина рдела,
Шмели гудели в мамином саду.

И птицы с юга в гости к нам летели,
И в ясном небе грелись облака.
И мы с тобою думать не хотели
О том, что наша осень так близка.

БЕСПОГОДЬЕ

День решён в осеннем тоне —
Не дождливый, но смурной.
Настроенье на балконе —
Между небом и землёй.

Нет у серого ненастья
Солнца днём, а ночью звёзд.
И для счастья мало счастья,
И для горя мало слёз.

Заливаясь оглашенно,
Игнорируются мной
Два звонка одновременно —
Телефонный и дверной.

Ах, душа моя не птица,
Но случается пока —
То за море устремится,
То взлетит за облака.

Возвратиться ей, конечно,
Суждено в урочный час
По земле, святой и грешной,
Побродить последний раз.

* * *

Последний дом в старинном переулке.
Пустырь. Тропа, заросшая бьльём.
Старик, ссутулясь, вышел на прогулку.
Стоит, врасая в землю костылём.

И старого, и дом безмолье полнит.
Дом — всё равно, один или вдвоём —
Молчит о тех, кто кров родимый помнит,
И тех, кто навсегда забыл о нём.

Ему за сто, по слухам достоверным,
Хотя на вид и пятьдесят не дашь.
Но вот второй стал незаметно первым,
И появился цокольный этаж...

Когда-то мы с друзьями здесь гуляли
И видели картину веселей,
Но в дом вселились многие печали,
А время поубавило друзей...

Всё то, что безобразно, что прекрасно,
Чем дорожит, чего боится свет,
Пока мы дышим, нам ещё подвластно.
Над временем одним управы нет.

Лишь времени от века время внемлет,
Сводя в себе начала и концы,
Когда незримо, но надёжно в землю
И хижины врасаают, и дворцы.

Вот так и мы: живём, судьбы не зная,
Все как один, друзья и не друзья,
Однажды в землю накрепко врасая.
В том горя нет. Была б родной земля.

* * *

Не бойся. Мне идти недалеко.
Не будь строга, не провожай так быстро.
Вот, в кухне закипело молоко.
Вот, бухнул за окном полдневный выстрел.

И что? Одно не выключишь — сплывёт,
Другое только завтра повторится.
Простой сюжет известен наперёд:
Уйти легко, сумеь бы возвратиться.

Где был закат, там будет и рассвет.
Есть чай с малиной — подождёт хвороба.
Всё хорошо — и разговора нет,
А если плохо — виноваты оба.

Какая радость, чтоб скучать одной?
Пока мы вместе, всё ещё в начале.
И, помнится, с утра был выходной,
Которого мы всю неделю ждали.

Горька и преждевременна слеза,
Ведь нет у нас причины, чтоб прощаться.
Я опоздал всего на полчаса,
Зато могу до ночи задержаться...

* * *

То свадьба, то тризна:
живём — хлеб жуём
меж смертью и жизнью,
меж злом и добром.

В чужих ли пальнули,
по нашим стрельба —
тебе ли, ему ли
судьба, не судьба?

То рядом, то где-то,
то с нами, то врозь
счастливая, нет ли? —
наивный вопрос.

Прибавит ума ли,
сведёт ли с ума
в конце ли, в начале —
не знает сама.

С ней за руку бродят
и правда, и ложь
за нас или против? —
нескоро поймёшь.

Спасёт и погубит:
уснём под крестом.
А любит, не любит —
расскажет потом.

* * *

Мы всё когда-нибудь забудем.
И всех. И неизбежен час —
Деревья, и дома, и люди
Забудут потихоньку нас.

И что теперь? Не петь, не плакать —
С утра о вечере скорбеть?
Нет. Если драка — значит, в драку.
И петь, и жить, и снова петь!

Встречаться, не боясь прощаний,
Идти, пока тропа видна,
И говорить слова признаний,
И чашу допивать до дна.

Состарюсь, всё, что было новым,
Исчезнет; все мосты сгорят.
И только песня, только слово
Вослед быломu зазвучат.

МУЗА

За окном ветка клёна качалась
И случайно коснулась стекла.
Я подумал: она постучалась;
Я был рад: наконец-то пришла!

Дрогнул лёгонький край занавески,
Чуть задетый прозрачным крылом.
Я боялся: конечно, ей тесно
Будет в маленьком доме моём!

Сердце вдруг холодело и снова
Начинало стучать горячо
От предчувствий чего-то такого,
Что со мной не случилось ещё.

Я почти не дышал и недвижно
Ждал в безмолвии ночь напролёт:
Я ослепну сейчас, но увижу,
Я умру, но услышу её!

А в окне незаметно светало,
И, себя не открыв, как всегда,
Мне она ничего не сказала
И ушла неизвестно куда.

Я обиду таил и не знал я,
Что, идя в нескончаемый путь,
Так она извелась и устала,
Что ко мне забрела отдохнуть.

* * *

А время наше мчится
И песенки поёт,
И не спешит делиться,
Кого к чему прибьёт.

К забвенью или славе —
Всё будет сочтено.
Кто вправе, кто не вправе —
И спрашивать смешно.

А над родной рекою
Стоял родимый дом.
Ах, время дорогое,
Спасибо и на том!

Спасибо, что мы сами
Свою играли роль,
Что с верными друзьями
Делили хлеб и соль;

За то, что жили-были,
Себя не берегли,
Что пели-говорили
О счастье и любви.

Особое спасибо,
Что давний разговор
Уже забыть могли бы,
Но помним до сих пор;

Что с песней и судьбою
Не разошлись ещё...
Ах, время дорогое,
Поклон тебе за всё,

Что стало днём вчерашним,
Что завтра суждено —
За всё, о чём пока что
Нам ведать не дано.

* * *

На небе редкие облака.
Солнце только-только садится.
В нашей комнате светло.

Стемнеет — включим люстру.
Твоя мама подарила.

Наверное, был какой-то праздник.
Может быть, наш юбилей?
Не припомню.
Но разве это
имеет значение?

Ни у кого
такой люстры
больше не видел.

Что тут говорить?
Утром встанем.
Выпьем кофе.
Пойдём на работу.

Без слов поцелую тебя у порога.

ПРОЩЁНОЕ СЛОВО

1

Со светом тень — навечно рядом,
И завтра — настезь, как вчера —
Вход запасной и вход парадный
И с улицы, и со двора.

Ты шепчешь у открытой двери,
Не вытирая слёз с лица,
Что, мол, Москва слезам не верит,
Да, мол, у палки два конца...

Боль и восторг, тогда и ныне —
Всё перепуталось опять,
Как будто нет уже в помине
Всего, что можем потерять.

2

День обернётся прошлой датой,
Смешав конец с началом сроков,
Где от восхода до заката
На небе солнцу одиноко.

Ночь заиграет в занебесье
Эоловой, должно быть, арфой,

И вспыхнет в каждом из созвездий
Одна-единственная Альфа.

Любовь нам головы морочит,
Что мы её запишем в святцы,
Но всё-таки ни днём, ни ночью
Не хочет с нами расставаться.

3

Вот жизнь — ни два, ни полтора.
Поврозь вершина и подножье,
Как будто и без них гора —
Без них вдвоём! — ещё возможна.

Где прямо, там и набекрень;
И два в одном — мечты и бредни.
И каждый день наш — первый день,
И каждый день — наш день последний.

Успеть бы этим грешным днём
Найти одно простое слово,
В котором, как вода с огнём,
Всё мрёт, но оживает снова.

* * *

О чём поёт над морем ветер,
Куда он гонит облака?
Я вдруг нечаянно заметил,
Как песня ветра коротка.

А ветер свой мотив выводит,
Слагает свой свободный стих...
Ветра иные на подходе,
Но мы не думаем о них.

Мы снова тешимся надеждой —
Недолго нам о нём жалеть
И ждать недолго ветер свежий,
Который так же будет петь.

Забудется без сожалений
Каким-нибудь весенним днём,
Как ветер летний и осенний
Ещё мы слушали вдвоём.

Тогда казалось, все печали
Ветрами унесёт легко,
И мнилось — до не дальней дали
Нам как до неба далеко.

И далеко ещё до срока,
Когда в неведомом краю
Мы не расслышим издалёка,
Как над землёй ветра поют.

* * *

Жизнь — событие простое.
Я сам его делаю сложным,
объяснить и понять, как дитя,
дерзновенно пытаюсь
всё, что разумом голым постигнуть,
увы, невозможно —
лишь душою принять, если эта душа не пустая.

В чудо можно не верить.
Но пусть назовёт своё Имя
мир, распахнутый настезь,
где всё несказанно и просто:
влажный стебель травы,
что растёт меж камнями сухими,
белый свет, перекрестья дорог
и кресты на погостах.

Просто вечное небо
над брэнною твердью земною,
где мгновенные вёсны длиннее,
чем наши свиданья;
просто воздух — сухой от мороза
и мокрый от зноя —
о, как дорог он станет, когда перехватит дыханье!

Жизнь — событие простое.

Простёрлись со дня сотворенья
перед всеми — кто был и ушёл,

и кто есть, и кто будет —
две дороги: дорога паденья,
дорога спасенья.

И ничто никогда кроме них
не откроется людям.

* * *

Апрельским днём на острове Елена
Озябшая весна ждала тепла.
И ты ждала с весною перемены,
Какой, сама не знала, но ждала.

Уже покой береговых излучин
С разгону разбудили катера,
За горизонт откочевали тучи,
Над морем нависавшие вчера.

Навстречу солнцу распахнулось небо,
Растаял по логам последний снег,
Светло в серёжки приделась верба,
Грачи запели хором о весне.

Уже вошли на сопках первоцветы,
И черемша проклюнулась чуть-чуть,
И в мире и в душе, по всем приметам,
Должно было свершиться что-нибудь.

А завтра — Воскресенье, завтра — Пасха,
И тайны нет, с чего так сердце мрёт,
Кого оно так трепетно и страстно,
Так преданно, так неотступно ждёт.

* * *

Не жизнь идёт, а время умирает.
Старинные тускнеют изразцы.
Ты видишь, Боже, вдалеке от рая
Слабеют дураки и мудрецы.

Их имена забудутся неспешно —
Не всякий неслучайно был рождён.
И тьмы и тьмы Твоих подобий грешных
Не заслужили собственных имён.

Даруй нам, в доброту Своей, прощенье.
Пусть честно нам откроется потом:
Средь бывших всех
Святого Воскресенья
За тыщи лет не совершил никто.

Услышь, пойми, прости нас,
Святым Боже,
Возрадуйся, сойдя до нас с небес,
Что средь людей один сыскался всё же,
О ком сказали мы: Христос воскрес!

1990-е

Мы правды не узнали от пророков
И сами разобраться не смогли,
Куда мы шли без страха и упрека
И до чего в конце концов дошли.

Ещё вчера жила страна родная —
Сильна и, как известно, широка.
Что завтра будет с ней, никто не знает,
Но прежней ей не стать наверняка.

Мой средний брат в заснеженном Норильске
О прошлом песни грустные поёт,
Предпочитает коньяки и виски,
А нету их — простую водку пьёт.

А младший наш рекордно в деде вышел;
Он лет пяток тому на Новый год
Звонил, что, мол, в подробностях напишет
О том, как за границую живёт.

И, отсидев согласно приговору,
Опять неутомный наш отец
Тревогу бьёт: мол, всей планете скоро
Придёт экологический копец.

И все мы как один опять не знаем,
Куда идём, но всё-таки идём.
И рубим лес. И в облаках летаем.
И углеводороды продаём...

* * *

В белый свет не успеешь взглядеться —
И до смерти забудешь покой.
Плачь и смейся, разбитое сердце,
Над своей и чужою судьбой!

Жизнь когда-нибудь всё подытожит,
Но, во многом смирившийся с ней,
Не поймёшь, почему ей дороже
То, что нам тяжелей и больней.

Почему наши жёны и дети
Пропадают порой не за грош?
Нет умней и красивей на свете,
И несчастней нигде не найдёшь.

Почему так нечестно удача
Отвернулась от честных людей?
Не отыщешь народа богаче
И беднее не встретишь нигде.

И опять через боль и тревогу
Утешаешься мыслью одной,
Что покамест живёшь, слава Богу,
На земле, до кончины родной;

Что она, помня прошлые смуты,
Лёгкой жизни от жизни не ждёт,
Что, не зная другого приюта,
С ней надежда и вера живёт.

ДОНОС

Доношу на себя, господа в кабинетах:
Я честней, чем сексоты, это сделаю сам!—
Признаюсь: я ни вам
и ни вашим клеветам
Добрых слов не скажу и руки не подам.

Доношу, господа: вреден я и опасен
Тем хотя бы, что — вами
не принят в расчёт,
Ни с какой стороны
и никем не умаслен —
Не свихнулся, не спился, не помер ещё.

Доношу: в вашем царстве
не все — лицедеи,
И в умах вызревает дурной прецедент;
Доношу: я привержен отсталой идее
И неправильно понял текущий момент.

Я не понял, за что этот малый ребёнок
Обречён голодать, я не вник, почему
Вы подобного счастья почти что с пелёнок
Не сумели устроить дитю своему.

* * *

Уж коль родишься, так или иначе
Дотумкаешь годочкам к тридцати,
Что, в общем-то, банальная задача
И жизнь прожить, и поле перейти.

Но вдруг поймёшь, как время мягко стелет,
И, обессилив от смешной борьбы,
В толк не возьмёшь, а годы перемелют
Загадки и превратности судьбы.

Возрадуясь тому, что ладно вышло —
Откуда вдруг, и сам не разберёшь, —
Неведомую музыку услышишь
И, замычав, словечки подберёшь.

И мир, который видеть невозможно,
Откроется и станет достижим.
И всё, вчера считавшееся сложным,
Нечаянно покажется простым.

Душа впадёт в наивное блаженство,
Готова умереть у той черты,
Где простота дойдёт до совершенства
И мастерство достигнет простоты.

* * *

Над медленной, медленной речкой,
Случайно приснившей мне,
Безмолвно из вечности в вечность
Летят облака в вышине.

По медленной, медленной речке
Средь сонных прибрежных раки
Светило горящую свечкой
Плывёт, а как будто стоит.

А ночью по медленной речке
Не слышно, как время течёт,
И путь продолжается Млечный,
Начавшийся с горних высот.

У речки, струящейся плавно,
Как лента в старинном кино,
Всё было со мною недавно,
А кажется — было давно.

Ей станет, наверное, больно,
Когда сновиденье моё
Пройдёт, и придётся невольно
Уже позабыть про неё.

Но сон мой пока ещё длится,
И память моя всё полней,
И речка по-прежнему снится,
Но только течёт всё быстрее.

* * *

Август на поляночке прилёт:
Сладко дышат, разомлев от зноя,
Красный клевер, синий василёк,
Жёлтые метёлки зверобоя.

За цветным ковром недалеко,
Под зелёной тополиной рощей,
В серебристо-голубой реке
Кипень облаков вода полощет.

Я лежу на ласковой волне
Загорелой бронзовой спиной.
Золотому солнцу в вышине
Радуетя лето золотое.

В роще звонко иволга поёт,
Маленькая птичка золотая...
Детство златокрылое моё
О себе, наверно, вспоминает...

ПРО СМЕЛОСТЬ

В счастливом строю пионерском
Я в ногу со всеми шагал
И смелым, тем более дерзким
Я не был и быть не мечтал.

Вернее, признаться стеснялся
В мечте непосильной своей
И трусости тайно боялся,
И стыдно склонялся пред ней.

Шагала наивная юность
В любимой геройской стране,
И робкое сердце проснулось,
И всё изменилось во мне.

С другими шагая не в ногу,
Я смелым нечаянно стал:
Для всех ты была недотрогой,
Но я-то об этом не знал...

* * *

...Нырнуть под дождь
и вынырнуть под солнцем
в компании берёз или осин,
влипая ненароком в волоконца
задумчивых осенних паутин;
шагать, не выбирая путь короче,
дышать озоном и греметь ведром
в лесу, где лупит дятел молоточком
и прячется косуля в бурелом;
в сырой овраг сойти с опасной кручи,
найти ещё не высохший родник;
опять мечтать, что попадётся лучший,
не встреченный ни разу боровик;
лесной орешек по дороге лузгать,
за ворот с ветки стряхивать росу
и складнем резать перечные грузди,
пока они ещё живут в лесу...

* * *

В душе ещё июнь зелёный,
Но снова холодеют выси,
И под багряно-жёлтым клёном
Цветёт букет опавших листьев.

А над дорогой пыль клубится,
А в роще иволга тоскует,
А в небе облака и птицы
Следят, откуда ветер дует.

И думается неохотно,
Хоть вроде нечего бояться,
Что снова птицам перелётным
Пора в дорогу собираться.

* * *

Просторно под родными небесами
Её неугасимому огню.
Как грешник пред святыми образами,
Пред ней повинно голову склоню.

Пройду свой путь недолгими годами
Иль тыщу лет на свете проживу —
Всё назову своими именами,
Её одну никак не назову.

Преграда, и отрада, и награда,
И тайна, от которой сердце мрёт...
Счастливый неуч, засвечу лампаду
Под золотыми сводами её.

Она слова нечаянно забудет —
Не вспыхнет ни одна звезда в ночи;
Во тьме друг друга не услышат люди,
Когда она случайно замолчит.

И мир, что нами правит бессердечно
И ей дышать свободно не даёт,
Глух и незряч, себя считая вечным, —
Он без неё и дня не проживёт.

* * *

Зима в своей красе неброской:
Утихла долгая пурга,
И солнце рассыпает блёстки
На серебристые снега.
Оно горит, не согревая
Небес застывшую эмаль.
Стогами в снежных малахаях
Рябит сверкающая даль.
Пейзаж чем проще, тем красивей.
Гляди — живи, не умирай! —
Так далеко видна Россия,
Вся белая из края в край.
И кажется: себя не помня,
С доисторических времён
Стоишь среди долины ровной,
Молчаньем белым опалён.

КАНУН

Весна почти не началась,
Но март исполнен вдохновенья,
Меж замыслом и воплощеньем
Ища таинственную связь.
Она пока едва видна,
И под холодный звон капели
С трудом, на ощупь, еле-еле,
Но всё-таки идёт весна.
Она заблудится опять,
И под набрякшим небосводом
Её внезапного прихода
Опять придётся долго звать;
Жалеть, что грозы далеки,
Но чувствовать, по крайней мере,
Что в доме разбухают двери
И влажно дышат сквозняки;
И знать: легка иль тяжела,
Есть у весны своя забота —
Взойти и собственные всходы
Сберечь до прочного тепла;
И ждать весну, и вместе с тем,
Увы, уже до срока ведать,
Что честную её победу
Придётся праздновать не всем.

МАРТ В ДАЛЬНЕРЕЧЕНСКЕ

Что ты видишь, солдатская мама,
Через морок исплаканных лет
Глядя словно из дымки тумана
На последний сыновий портрет?

— Вижу в зимнем холодном убранстве
В мутном свете закатной зари
Серый март,
 чёрный остров Даманский,
Красный лёд на реке Уссури.

Что ты видишь, невеста солдата,
За далёкой весной роковой,
Где женой ты не стала когда-то,
А осталась навеки вдовой?

— Вижу в зимнем
 прощальном убранстве
В слабом свете закатной зари
Серый март,
 чёрный остров Даманский,
Красный лёд на реке Уссури.

На границе сегодня затишье.
В непривычной для вас тишине
Что вам снится, родные мальчишки,
Уходившие в бой по весне?

Снится в зимнем спокойном убранстве
В нежном свете рассветной зари
Отчий дом, русский остров Даманский,
Чистый лёд на реке Уссури...

* * *

В предзимнем неуютном межсезонье,
Когда пустеют пляжи до весны,
Бродяга ветер с океана гонит
Туманы и пророческие сны.

Мы видим снова города и страны,
Где запросто бывали, и в душе
Грустили, что ещё не капитаны,
Но не матросы юные уже.

Во снах моряцких, как в лесах осенних,
Задумчиво, печально и светло.
А в комнате, где спят ночные тени,
Закрыв туман оконное стекло.

Вновь морю лето прошлое приснилось
И берегу сочувствует волна.
Судьба, она ещё не завершилась,
Но нам из-за тумана не видна.

Скитальцы, океанские трудяги,
Не видели бы мы тяжёлых снов,
Когда б ни поднимать чужие флаги
На мачтах наших проданных судов.

И не было бы даже разговоров
О горькой доле русских моряков,
Когда бы ни крутились мы в оффшорах
У ненасытных чуждых берегов.

Пока нам только снится, но однажды,
Оставив наши беды за кормой,
Мы всё-таки увидим флаги наши,
И флот родной, вернувшийся домой.

* * *

Разбившись о край небосвода,
Вдруг вспыхнет над чёрной волной
И брызнет осколками в воду
Звезда, что дружила со мной.

А небо прореху замажет
Вселенским мерцаньем огней,
И больше ничто не предскажет
Судьбы и дороги моей;

Не вспомнит, как было дано мне
Пройти среди солёных штормов
В безмолвных скрещениях молний,
В незримых раскатах громов;

Не вылечит боли недавней,
В грядущей ночи не взойдёт
И наших коротких свиданий
И долгих разлук не сочтёт.

В неведомых далях нездешних
В бессмертно кружащейся тьме
Не выдаст ни чувств моих грешных,
Ни мыслей твоих обо мне.

В галактиках ближних и дальних
В холодной тиши неземной
Мы сами останемся тайной,
Тобой позабытой и мной.

* * *

Холмистый берег Золотого Рога,
Огни и с той, и с этой стороны.
Побудь, судьба, со мной ещё немного
На океанском краешке страны.

Здесь наше море начиналось просто:
Легко, но лёгкой доли не суля,
Ты поднялась в тельняшечке матроской
На высоту большого корабля.

Решительно отдав швартов последний,
Он рвался в океан, а, между тем,
Он был, скорее, не большим, а средним,
А если честно — маленьким совсем.

Давай, судьба, пройдемся по причалу,
Где бриз весёлый волновал прибой,
И празднично весна тебя качала,
И палуба плясала под тобой.

Здесь, уходя, я тихий шёпот слушал,
Который и за тридевять морей
На берегу любви морскую душу
Держал надёжней всяких якорей.

Босфор Восточный веял ветром влажным,
Мешая попрощаться нам без слёз,
И плакал вслед о том, что всё — однажды,
Всё — быстро, всё — навеки, всё — всерьёз.

Побудь со мной, судьба, ещё немного,
Пока с ночных внимательных высот
Туманный берег Золотого Рога
Нас как друзей старинных узнаёт.

Вот-вот винты ночную вспенят воду,
И прозвучит команда: «Так держать!»
И нашему последнему походу
Уже ничто не сможет помешать.

Устало обменявшись позывными,
Приблизятся к причалу наши дни;
В холодной мгле огнями ходовыми
Над нами вспыхнут звёздные огни.

И вещим сном в далёкую дорогу
Из вечной дали будем видеть мы:
На нежной глади Золотого Рога,
Как Млечный Путь, горят они из тьмы.

* * *

Валентину Курбатову

Верный путь не каждому по силам.
Русский крест не всякому носить.
Смилуйся, Господь, — душа просила, —
Не меня, но отчину спаси!

Горько далеки и одиноки,
Мы надеждой вместе сведены:
Сгинут времена — прибудут сроки:
В русском Пскове и Владивостоке
Будут храмы старые полны.

Будет встреча в той пресветлой дали
Всем, кто свет в душе не погасил,
И, когда другие их сдавали,
Всё-таки на облаках летали,
И ещё Васильева читали,
И ещё стояли на Руси.

ПОЭТУ

Сердце художника и изнашивается прежде всего потому, что в него, как в огромную мишень, попадают все беды и радости земные...

Виктор Астафьев

Пускай твои стихи нужны немногим,
Не клином свет на них, но всё же — свет.
Пускай тебя не хвалит критик строгий,
Но будь поэтом, если ты поэт.

Вот жребий твой —
гореть в огне сомнений,
А радоваться реже, чем страдать.
Но, может быть, не ведал поражений
Лишь тот, кто не пытался побеждать.

Вот подвиг: не поддаться искушенью
Дежурной правды и придворной лжи,
Всю жизнь отдать высокому служенью,
Но никому на свете не служить.

ОТЕЦ

*Он живёт не в городе, не на этой
улице, не в этом доме. Он живёт
во Вселенной.*

Брат Алексей — о нашем отце

Честный? Умный? Станный? Нервный?
И не знаю, как назвать...
Был он призван в сорок первом,
Чтобы с немцем воевать.

Кто запомнит их, красивых,
Отлетевших, как с куста?
Из отцовского призыва
Трое выжили из ста.

Наш, молоденький да ранний,
Отправлялся дважды в тыл:
Был легко на фронте ранен
И контужен (сильно!) был.

Месяц был в плену. В штрафбате
Смыл позор своей вины.
В общем, вышло так, что батя
Возвернулся с той войны.

Не явив пример отваги,
Он отличий не имел.
Не был в сталинском ГУЛАГе —
Он при Брежневке сидел.

Он писал, безумный, письма
В дорогое всем ЦК,
Что победа коммунизма
И не светит нам пока.

Он в семье был будто гостем,
Вёл себя нехорошо...
Я не знаю, где он, что с ним.
Жив? Здоров? С ума сошёл?

Он, наверно, во Вселенной
Пишет ночи напролёт
О грозящих переменах
И на Землю письма шлёт.

* * *

Они уже в пути. Они уже не с нами.
Забывшейся судьбой ниспослан будет срок
Для гнева и для слёз.

Во тьме воспоминаний
Воскреснет прошлый свет.

На север и восток
Ещё не добрели безмолвные конвои,
Но смертной тени их ничто не возвратит.
Кровь стынет,

и вслед ночная вьюга воет...
Ты плачешь или нет? Они уже в пути.
Ты деда узнаёшь? Он, кажется, смеётся?!
Толкнёт тебя плечом: живи, пока живой!
А с падающих звёзд

последний свет прольётся,
И угодит во тьму, и обернётся тьмой.
Они уже в пути. А где-то в отдаленье
Маячим мы с тобой.

А кто-то вслед глядит...
Ты видишь, как блесит
штыками оцепленье?
Живи, пока живой. Они ещё в пути...

* * *

Позаросло травой, покрылось пылью,
Притихло, что сбилось, что не сбилось.
Пришли мы, чтобы сказку сделать былью,
Да как-то с ней не шибко задалось.

И оттого не то чтобы обидно,
До слёз досадно, горестно сердцам,
Но тяжко так, так безысходно стыдно —
Что б мы сказали дедам и отцам?

Ну как нам пережить такую муку?
Наш грех не замолить, не оправдать.
Что мы оставим сыновьям и внукам,
Чем правнуки нас будут поминать?

Как в целое соединить осколки,
Пропавшее вернуть издалека,
Чтоб наши поумневшие потомки
Не повторяли нашего греха,

А ведали, что мы не правы были,
Но вслед за нами всех мостов не жгли
И родину не меньше нас любили,
Но лучше нас беречь её могли?..

* * *

А на улице на сельской
нет парней и нет девчат,
а вагончики по рельсам
всё стучат, стучат, стучат —
всё везут людей весёлых
вдаль от матушки-земли,
где в больших красивых сёлах
годы лучшие прошли.

А на небо смотрит кто-то,
и слеза туманит взгляд;
а по небу самолёты
всё летят, летят, летят —
всё несут легко и плавно
тех, кто вышел в славный путь,
чтоб в земле обетованной
приземлиться как-нибудь.

Позабыв про все печали,
про отцовский дом и сад,
устремлён в иные дали
чей-то сын и чей-то брат;
и, оставив все напасти,
с материнского двора

держит курс навстречу счастью
чья-то дочка и сестра.

А под ивой под плакучей
лизет камушки река,
и ползут над нею тучи
там, где плыли облака;
а берёзка безответно
на погосте на пустом
всё кому-то машет веткой
над родительским крестом...

* * *

Не встретил, а уже простился,
не прибыл, но ушёл опять,
как сон, который не приснился,
и дар, который не принять;
как звон, застывший в колокольце,
и пламя, спящее в золе,
как дождик, плачущий о солнце,
и снег, мечтавший о тепле...
Цыганка вновь мешает карты,
играет ветер на трубе,
а за окошком ворон каркнул,
а я письмо пишу тебе
о том, что жизнь моя простая,
что завтра в гости друг придёт,
а снег давным-давно растаял,
и дождь закончится вот-вот;
что день сгорел в огне заката,
и звёзды на небе зажглись,
и всё хорошее когда-то
должно, мне кажется, сойтись...

* * *

Что говорить? Конечно, мы стареем.
Уже трудней дышать, болеть больней.
И кажется, что жизнь идёт быстрее,
А нам за нею гнаться тяжелей.

На Золотом Мосту сирена воет,
И в пробке задыхаются авто.
Куда бы мы поехали с тобою,
Тем более что нас не ждёт никто?

А если ждёт, нам это неизвестно.
Когда бы так, могли бы позвонить,
Что, в общем-то, не слишком интересно —
Нам есть пока, о чём поговорить.

Пусть не о том, что мы в конце недели
Своих друзей хотели навестить,
Которые, как мы, переболели
Ковидом и, как мы, остались жить.

И не о том, что с нами завтра станет,
Куда подует ветер перемен,
Когда уже в родимом Казахстане
Английский учат русскому взамен.

И не о том, как всем теперь живётся.
Ну что поделать — високосный год...
Но сын Иван вот-вот с морей вернётся,
И Николай встречать его пойдёт.

Что говорить? Всё остаётся с нами.
И Николай Ивану будет рад.
Пусть они обнимутся с друзьями
И с ними обо всём поговорят.

* * *

За край ледяного припая
На глянец уснувшей воды
Скатилась луна молодая,
Слетели две первых звезды.

Взойдя по крутому угору
В накидке из чёрной парчи,
Притихший над бухтою город
Моргает огнями в ночи.

И, словно сейчас возвратился
Из далей, где море кипит,
У края холодного пирса
Старик одинокий стоит.

Зачем-то сошлись на мгновение
Молчание, осень, старик,
Сверкающих звёзд отраженья
И лунный мерцающий блик.

А город, глядящий с откоса,
Как годы у пирса бегут,
Все ждёт молодого матроса,
Когда-то стоявшего тут.

* * *

Над марью комариной на юру
Волнуются раскрашенной листвою
Осенние деревья на ветру.

Не жаль, что лето кончилось, не жаль:
Ещё чуть-чуть — и тихая прозрачность
Наполнит остывающую даль.

И медленной задумчивой зимой
Продолжится для нас земное время.
И я надолго возвращусь домой.

И многие-премногое года
Всё будет так, как мы давно хотели,
Как не было пока что никогда.

* * *

Зима и есть зима. Она не помнит,
Что, как бы ни была она долга,
Весна любовью белый свет наполнит,
Едва сойдут последние снега.

И дивной явью снова станет небыль —
Мы вновь увидим рядом и вдали:
Весь мир — любовь! Любовью дышит небо,
Земля исходит соками любви.

Но грянул март, а ты, родная, слышишь
Прощальную симфонию зимы:
Грохочет ветер ржавой жестью крыши,
И льётся полночь холодом из тьмы.

Я за тобой брожу покорной тенью,
И нас обоих мне немножко жать.
В твоём преобладает настроенье
Какая-то озябшая печаль.

Что ж, ты права, признаюсь между строчек:
Зима была и вправду холодна.
Но видишь: ночи сделались короче,
А днём, смотри-ка, вот она — весна!

Я полжизни сюда возвращаюсь
из медленных странствий
Так, как будто в сознание
прихожу после долгого сна.
Здесь всё то, что люблю,
отличается непостоянством,
Только роза ветров
постоянна во все времена.

В этом городе странном — не знаю,
куда и откуда —
Время мчит, как река,
выходящая из берегов.
Здесь я жду каждый миг:
вот мелькнёт это синее чудо —
Лоскуток океана —
в просвете меж серых домов.

Здесь загадочно жить,
а заглядывать вдаль невозможно.
И, крутые изгибы пути
не стремясь обходить,

Я знакомой сто лет,
самой честной цыганке, быть может,
Прозорливую ручку
давно перестал золотить.

Он и сам, этот город,
грядущей дороги не знает.
Но судьбой, как корабль швартовами,
связанный с ним,
Я открою, куда паруса он
свои направляет
И куда он восходит
по каменным сопкам своим.

Он со мною ещё, я надеюсь,
простится нескоро.
Я же с ним ни на миг
не расстанусь уже никогда...
Боже мой, снова снег сыпанул —
странный всё-таки город! —
И тотчас в океан потекла
из-под снега вода...

В ПОСЛЕДНЮЮ НОЧЬ ВЕСНЫ

Когда б уснул — увидел где бы
На бой похожую точь-в-точь
Грозу: грома взрывают небо,
А молнии пронзают ночь!

Сейчас она ударит током
И целый мир повергнет в шок!
Сродни вселенскому потопу
Грохочет ливневый поток.

Такая лава, мощь такая,
Такая майская гроза!
О, как в окно моё сверкают
Её безумные глаза!

Она на острова к японцам
Уйдёт, забрезжит день едва,
И как рванёт навстречу солнцу
Дождём прибитая трава!

А ты, уже проснувшись летом,
Нырнув в обычные дела,
Не будешь знать, что ночью этой
Гроза великая была.

* * *

Когда одна ты сына ждёшь в роддоме,
Когда с ковидом в клинике лежишь,
Не гром гремит, а небо болью ломит,
Не дождь идёт, а слёзы льются с крыш.

Мне безразлично, встречу ли, не встречу
Рассвет за нашим утренним окном,
Могла бы только ты в грядущий вечер
На кухне выпить чаю с молоком.

Все страхи, все сомнения отринув,
Во имя всех святых зажгу свечу.
Конечно, я хочу увидеть сына,
Конечно, я обнять тебя хочу.

Доверюсь Богу и продамся черту,
Чтоб только ты быстрее пришла домой.
Мне всё равно, живой я или мертвый.
Была бы ты счастливой и живой.

* * *

Однажды — холодно и строго —
Последний подведёт итог
Моим надеждам и дорогам
Нежданный мой Владивосток.

Я к берегам его причален
Прижат бортом, прибит волной.
Он был в судьбе моей нечаян,
Но стал нечаянно судьбой.

И был я в нём не самым первым,
И не последним самым был.
Он мной владел. Играл на нервах.
Прощал. Обманывал. Любил.

В распахе и суженьях улиц,
В стекле витрин легко скользя,
Навек сошлись и разминулись
Мои года, мои друзья.

В старинном уличном извие,
Где я сто лет бродить был рад,
Дай Бог, не в ближней перспективе
Его витрины отразят,

Как ветер мне по-хулигански
Свистит, и дождик в полутьме
На Пушкинской и на Светланской
Смывает память обо мне.

Гуляли в праздник без заботы
И от души, и от рубля,
Когда по лестничным пролётам
К нам шли хорошие друзья.

И долго не было кручины,
Что, бесконечно хороша,
Земная жизнь не будет длинной,
Хоть вечно молода душа;

Что лестница не виновата
В том, что в какой-то горький час
Все, кто ходил по ней когда-то,
Пройдут уже в последний раз;

Что нам дороже всех умений
Сквозь суету и чепуху
Пройти по всем её ступеням,
Навек оставшись наверху.

ПЕРЕМЁТНАЯ СУМА

Мне судьба — попугайчик строгий,
А дорога — жизнь сама,
Ну а память в той дороге —
Перемётная сума.

Тяжек бед чугунный слиток,
Лёгок счастья медный грош —
Чем сума битком набита,
Сам не с ходу разберёшь.

И поймёшь, видать, не скоро,
Кем любим, кому постыл;
Кто тебе и вправду дорог,
Кто случайным встречным был...

Что терял — того не брошу,
Что искал — навек моё:
Непростая, в общем, ноша,
Только кто я без неё?

А дорога незаметно
Повернёт на небо вдруг —
Всё равно сумы заветной
Я не выпущу из рук.

Унесу её с собою,
Честных судей не боясь,
Чтоб души с былой судьбою
Не утрачивалась связь.

И когда архангел скажет:
«Развяжи свою суму!»,
По моей земной поклаже
Он увидит, что к чему.

* * *

Тот не найдёт душе покоя,
Кто сор выносит из избы.
Я даже двери не открою,
Пока не вымету углы
И не сожгу в раздумьях стыдных
Заполонивший память сор,
Ведя с самим собой обидный,
Но безобманный разговор.

Речь не том, что грешен шибко.
Даст Бог, они простятся мне,
Вполне известные ошибки,
Грехи, банальные вполне,
Поскольку я, как все живые
Из всех племён и всех веков,
Не мог, придя на свет впервые,
Жить без ошибок и грехов.

Нас всех, кто встречен, кто не встречен,
Несёт во тьму одна река,
И нет в её глубинах вечных
Неотмолимого греха.

А если вдруг откроется нечаянно,
Ты о своём открытье промолчи —
Она уйдёт, когда не будет тайны,
И ты её напрасно не ищи.

* * *

Врать не буду о том,
 что подкралась зима незаметно.
Я давно издалёка угадывал приступ её.
По весеннему граду.
 По ветру холодному летом.
По свинцовым, туманным,
 тягучим осенним рассветам
И пустынным полям,
 на которых сидит вороньё.

Врать не буду, я знал,
 хоть не очень-то склонен был верить,
Или, лучше сказать,
 размышлял неохотно о том,
Что куда ни пойдёшь,
 путь заранее будет отмерен,
И недолго останутся настезь
 распахнуты двери —
Никогда достучаться ты в них
 не сумеешь потом.

* * *

Там, где дороги нет, нужна отвaga —
Не выбирая торного пути,
Решиться сделать первые полшага,
И жизнь прожить, и поле перейти.

И, может статься, вольным и отважным
Откроется счастливый светлый путь,
И Царь Небесный вовремя укажет,
Кому куда удобнее свернуть.

Что до меня, сижу я сиднем дома
И собирать пожитки не спешу.
Босым ступням до камешка знакома
Одна тропа — к родному шалашу.

И мысли нет с родным крыльцом проститься,
Чтоб на излёте дней, как ни верти,
К нему ли блудным сыном возвратиться,
К судьбе ли, от которой не уйти.

Жизнь каждого по-своему ласкает.
Пусть жребий мой с иными несравним —
Не мне судить. Моя судьба — такая.
Пусть лучшая достанется другим.

Мне по земле моей шагать быстрее,
Она со мной надеждою живёт:
Вот-вот в моём оконце посветлеет,
И потеплеет в горнице вот-вот.

* * *

Рядом с восходом,
А не добрести до восхода.
Нет до обители солнца
Ни тропки, ни брода.

Не убояться
В пути теплового удара,
В небо подняться —
Расплавятся крылья Икара.

Только и смысла
В былых и грядущих невзгодах —
Ныне и присно
Мы всё-таки рядом с восходом.

СОДЕРЖАНИЕ

КЕМ СТАНЕМ МЫ?	5
1990-е	129
Август на поляночке прилёт	139
А во дворе пустынно и темно	182
А время наше мчится	118
А на улице на сельской	164
Апрельским днём на острове Елена	127
БАЛЛАДА О ЛОТОСЕ	52
БАЛЛАДА О ТАЮЩЕМ СНЕГЕ	175
Безумно дышала сирень	77
Безумный ливень, хлынувший под вечер	42
Берёза, в серебристом кардигане	75
БЕСПОГОДЬЕ	109
Брат, и сосед, и каждый встречный	60
В белый свет не успеешь взглядеться	131

В ГОСТЯХ У КОЯНТО	33
В душе ещё июнь зелёный	142
Верный путь не каждому по силам	156
Владивосток, убежище моё!	32
В полях ли, где хлеб колосится	48
В ПОСЛЕДНЮЮ НОЧЬ ВЕСНЫ	178
В предзимнем неуютном межсезонье	150
Врать не буду о том, что подкралась зима незаметно	191
ВРОДЕ ШУТКИ	30
Всё стремительней, неизбежней	145
В смешении теней и света	40
В смятении осенних буйных красок	108
Всю ночь в листве проспавший ветер	102
Высоки над землёй небеса	12
ГИМН ВЕРТОЛЁТУ	37
Длинный дождь в начале ноября	86
ДОНОС	133
Живу, дышу тобой, отсек центральный	16

Жизнь — событие простое	125
За край ледяного припая	169
Зима в своей красе неброской	146
Зима и есть зима. Она не помнит	173
И вправду, было бы смешно	159
И самый чуткий друг едва ли	29
И что я сам себя морочу	95
КАНУН	147
Картина, доводящая до слёз	73
Когда одна ты сына ждёшь в роддоме	179
Когда подует с моря ветер	71
Крик взволнованных птиц над волною	21
МАРТ В ДАЛЬНЕРЕЧЕНСКЕ	148
Мне не хватает писем от друзей	97
Молчалив и опечален	69
Мотивы осени печальной	83
МУЗА	116
Мы всё когда-нибудь забудем	115
Над марью комариной на юру	172

Над медленной, медленной речкой	137
НА ЗАСТАВЕ	58
Нам счастьем выпали случайным	66
На небе редкие облака	120
Не бойся. Мне идти недалеко	112
Неважно, что ели, с кем спали	44
Невнятный день. Вороны не галдят	104
Не встретил, а уже простился	166
Не глядеть бы, не слушать	46
Не для души ничьей и не для тела	170
Не жизнь идёт, а время умирает	128
Не лги себе, когда любовь устала	189
Не тревожь, сыночек, маму	50
Неудержимо с позадавних дней	81
Ночь попрощалась с последней звездой	82
...Нырнуть под дождь	141
Однажды — холодно и строго	180
Они уже в пути. Они уже не с нами	162
Опять тайфун, и ливень косо	41

ОСЕННЕЕ	65
ОСТРОВ	38
ОСТРОВ РУССКИЙ	19
ОТЕЦ	160
ОТПУСК	36
О чём поёт над морем ветер	123
Паром поспешает. Всё ближе	13
ПЕРЕД САХАЛИНСКИМ РЕЙСОМ	34
ПЕРЕМЁТНАЯ СУМА	185
Подробности банального сюжета	89
Позаросло травой, покрылось пылью	163
ПОЛНОЛУНИЕ	100
Последний дом в старинном переулке	110
Похолодало. Дождь сменился	74
По этой лестнице в подъезде	183
ПОЭТУ	157
Приблудная чёрная кошка	92
Приморская поздняя осень	68
ПРО СМЕЛОСТЬ	140

Просторно под родными небесами	143
ПРОЩЁНОЕ СЛОВО	121
Разбившись о край небосвода	152
РУДНАЯ ПРИСТАНЬ	55
Рыдание чаек и стрёкот сорочий	25
Рядом с восходом	196
Сломалась жизнь! Скажу как на духу	51
С моря ветер ненасытный	84
Смурное, но всё-таки — лето	79
Снег не падает — снег танцует	91
Солдаты вовремя встают	49
Ступать постараюсь потише	23
Там, где дороги нет, нужна отвага	194
То ли облака гуляют низко	87
То свадьба, то тризна	113
Тот не найдёт душе покоя	187
Три сороки прилетели	98
Уж коль родишься, так или иначе	136
У нас на Русском острове	63

Уснувшей под буранами дорогой	94
УТРО	17
Холмистый берег Золотого Рога	154
Чего там — гроза на Валдае?!	106
Что говорить? Конечно, мы стареем	167
ЭЛЕГИЯ ПЕРЕД ДОЖДЁМ	78
Этот край на земле у восхода	15
Я здесь, не знаю, сколько раз	27

Владимир Михайлович ТЫЦКИХ

РЯДОМ С ВОСХОДОМ

Стихи в авторской редакции.

В оформлении использованы фото
из архива автора.

Технический редактор — *Владимир Постышев.*
Ответственный за выпуск — *Эльвира Кочеткова.*
Допечатная подготовка — *Владимир Постышев.*

Заказ № 0247453 Бумага Golden Star
Формат 60x84/32 Усл. п.л. 3,5 Тираж 350 экз.

Подписано в печать 20.06.2021

Печать офсетная.

Отпечатано в типографии АО «Полицентр»

г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.

Тел. 8 (42361) 4-45-89.